

Б. Байнс

Джымми

"ПОСРЕДНИК"
МОСКВА

1998

Е. БАЙНС

Д Ж И М М И

(J I M M I E)

ИСТОРИЯ ЧЕРНОГО МЕДВЕЖОНКА

Перевод О. Горбуновой-Посадовой

С рисунками

„ПОСРЕДНИК“

МОСКВА

1 9 2 8

Обложка А. А. БРУНИ

Главлит № А 18163.

Заказ № 3214

Тираж 6000.

«Мосполиграф», 13-я тип. «Мысль Печатника», Москва, Петровка, 17.

I.

ДЖИММИ ПОЯВЛЯЕТСЯ В НОВОМ ХЕМПШАЙРЕ.

Охотник, который прислал мне Джимми, сказал, что это самый скверный из трех медвежат, которых они поймали. Он откровенно добавил, что именно потому-то он и прислал мне его, хотя я до сих пор не могу понять, чем я навлек на себя такое наказание.

Мать этих медвежат была убита в своей берлоге охотниками-индейцами. А белый охотник, который был с ними, взял малышей в свою хижину для развлечения.

Маленькие братья Джимми, кажется, были очень хорошими, — насколько только могут быть хорошими медвежата. И достаточно было дернуть их за ухо, чтобы они спокойно легли на свое место. Но Джимми в таких случаях вставал на задние лапки и бросался на обидчика. Джимми мог бы быть даже опасным, если бы его рост и сила соответствовали его храбрости и решительности.

Поэтому охотник с завязанным тряпкой пальцем и правой рукой, так исцарапанной, что она стала похожей на карту Скалистых гор, нарисованную красным карандашом, однажды поймал маленького визжащего медвежонка, посадил его в крепкий деревянный ящик, отвез на ближайшую железнодорожную станцию и отправил по моему адресу.

Я никогда не забуду прибытия Джимми. Это было в тихий летний день, как раз после обеда. Мы совсем не ожидали его. Мы жили в это время в Хэвен Коттедже, в десяти километрах на север от Нью-порта, в Нью-Хэмпшайре. Мы еще сидели на террасе, смотрели на залитую солнцем лужайку и слушали пение дрозда-отшельника. Случайно я взглянул на дорогу и увидел вдалеке облако пыли; это показывало, что приближается дилижанс, который привозил нам почту. Даже на таком далеком расстоянии я расслышал какие-то странные звуки, совсем не гармонирующие с пением дрозда.

Наконец, дилижанс подъехал к дому и почтальон сбросил на лужайку деревянный ящик. Из ящика неслись какие-то действительно ужасные звуки. Это было непрекращающееся ни на момент бешеное царапанье о доски и вой, который становился все громче и громче.

— *Boo! Boo! Boo!* — был рассерженный голос. — *Но! Но! Но-оо!* — стонал он.

— Чорт возьми, что это у вас в ящике? — спросил я у почтальона.

Но почтальон, которому в течение десяти километров пришлось наслаждаться этим воем, визгом и царапаньем, был слишком зол, чтобы разговаривать. Он вскочил на козлы, стегнул кнутом взмыленных лошадей и предоставил мне самому разбирать, что было в ящике.

Я принес молоток и долото и отбил одну из досок в крышке ящика. Через эту дыру сейчас же высунулась маленькая, черная, мохнатая голова с рыжевато-бурой мордочкой, круглыми, мохнатыми ушами и самым дерзким выражением, какое я когда-либо видел у животных. Я сразу узнал

в моем госте детеныша черного медведя. Он выкарабкался из ящика на лужайку и подозрительно огляделся кругом, как-будто ища человека, доставившего ему столько неприятностей. Потом его гнев уступил место плачу и жалобному вою.

У нас в это время гостила одна знакомая с очень нежным сердцем. Она сразу почувствовала, что маленький приезжий нуждается в утешении, сбегала со ступенек террасы и схватила медвеженка на руки, приговаривая: «О, бедный, милый малыш». Но «бедный, милый малыш» пробыл в ящике несколько дней, и теперь он искал чего-то более существенного, чем ласковые слова. Его от природы вспыльчивый характер не долго выдержал: с сердитым рычаньем он укусил ласкающую его руку, а энергичным царапаньем своих сильных задних ног он вырвал длинную полосу из ее платья.

Наша гостья сразу уронила медвежонка и бросилась назад на террасу. В это время появилась на сцену наша кухарка Люси. Нет на свете человека добрее ее. Животных она не только любила, но знала и понимала. Она знала, что путь к сердцу голодного маленького медвежонка идет через его животик, и она не теряла времени. При помощи миски с молоком и сухарями она нашла путь к его сердцу, озлобленному, но не разбитому, и завоевала его навсегда.

II.

МЕДВЕЖЕНОК В ХЭВЕН КОТТЕДЖЕ.

Хэвен Коттэдж — дом, где мы жили, куда нам прислали Джимми, стоял на восточном краю

леса Голубой горы. Это был огромный участок прекрасного, дикого леса. Он тянулся почти на сто квадратных километров, был окружен высокой оградой и заселен буйволами, лосями, белохвостыми оленями и многими другими дикими животными, и местными, и привозными, которых здесь поселили, чтобы наблюдать их жизнь на свободе и сохранить от истребления.

Посредине леса, пересекая его, тянулся с юга на север могучий хребет, поросший соснами, — «Голубая гора».

В холмистой местности вокруг «парка», как называли лес Голубой горы местные жители, были раскиданы старые фермы. На каждой из них был белый дом с зелеными ставнями,

окруженный тенистыми кленами, серые житницы и зеленые пастбища, усеянные скалами. Здесь-то и провел медвежонок свои нью-хэмпшайрские дни.

Его жизнь с нами была длинным рядом веселых происшествий, — веселых то для Джимми, то для нас, то для наших соседей, — смотря по тому, с чьей точки зрения смотреть. Но чтобы он ни сделал, Люси всегда защищала его словами,

а в случае надобности защитила бы его даже горячим утюгом.

Если с входной двери была содрана когтями краска, если весь клубничный мармелад в кладовой был съеден, если покрывало на постели было разукрашено грязными следами медвежьих лап, — все это, конечно, по словам Люси, сделал ручной олень. Если удавалось доказать невинность оленя, — это сделали волки, лисицы, опосум или даже вонючка, какое угодно существо из живущих у нас, но только не медвежонок Джимми. Он, по мнению Люси, никогда не делал ничего плохого. Если же нам удавалось «свалить» что-нибудь плохое на Джимми, она напоминала нам, что «все мы люди, вы знаете» или давала нам почувствовать, что стыдно нападать на ребенка, не имеющего родителей, способных постоять за него.

Однажды, когда я поймал Джимми в кухонном шкафу среди осколков посуды, которую он стащил с верхней полки, я позвал Люси и сурово сказал:

— Ну, я думаю, вы согласитесь, что он сделал это?

Но Люси давно уже жила в нашей семье. Она жила у нас, когда я был еще ребенком, и теперь, глядя то на меня, то на преступного медвежонка, она вспомнила давно прошедшее время. Выпрямившись и сложив руки на груди, она сказала задумчиво и полувопросительно:

— Но, мастер Гарольд, я думаю, что вы не должны быть суровы к нему. Вспомните, и вы ведь были мальчишкой.

И, конечно, я вспомнил и не допустил ее входить в неприятные для меня подробности.

Про Джимми вполне можно сказать словами из одного стихотворения:

«Когда он был сыт, он не был хорошим,
Но когда он был голоден, он был ужасен».

Когда приятное чувство сытости начинало проходить, медвежонок извещал нас об этом ворчаньем и бурчаньем, сначала тихим, похожим на подземный гул крошечного вулкана, начинающего действовать. Если его все растущее чувство голода не было сразу удовлетворено молоком или чем-нибудь таким же хорошим,—ворчанье становилось все глубже и громче, пока, наконец, не превращалось в неукротимый поток медвежьих ругательств, говорящих нам, что вулкан был уже в полном действии.

В это время было совершенно бесполезно пытаться отвлечь чем-либо его внимание. Он был голоден и хотел добиться пищи. Никто не смел ему в этом мешать. Если он был отвязан, он бежал к кухонной двери, открывал ее своими острыми когтями и несся прямо к ушату с помоями. Медвежонок вставал на задние ноги, вытягивался, пока передними лапами не доставал до края ушата, и тогда быстро подтягивался кверху и начинал жадно пить, все время ворча. Это занимало всего одну минуту. Потом он осторожно спускался вниз, пока его задние ноги не касались пола.

В это время Люси уже приготавливала ему миску молока с хлебом. Джимми, увидев это, сразу начинал торопить ее, танцевал перед ней на задних лапках, хватал ее за колени, кусал и тянул зубами за платье. Она нисколько не боялась его и, стараясь испытать его терпение или, вернее,

нетерпение, держала миску так, чтобы он не мог ее достать.

Визжа от злости и нетерпения, Джимми плясал вокруг Люси, стараясь с дикой жадностью схватить миску. Наконец, одной лапой он хватался за нее. Его когти так крепко держались за край, что можно было поднять кверху Джимми вместе с миской.

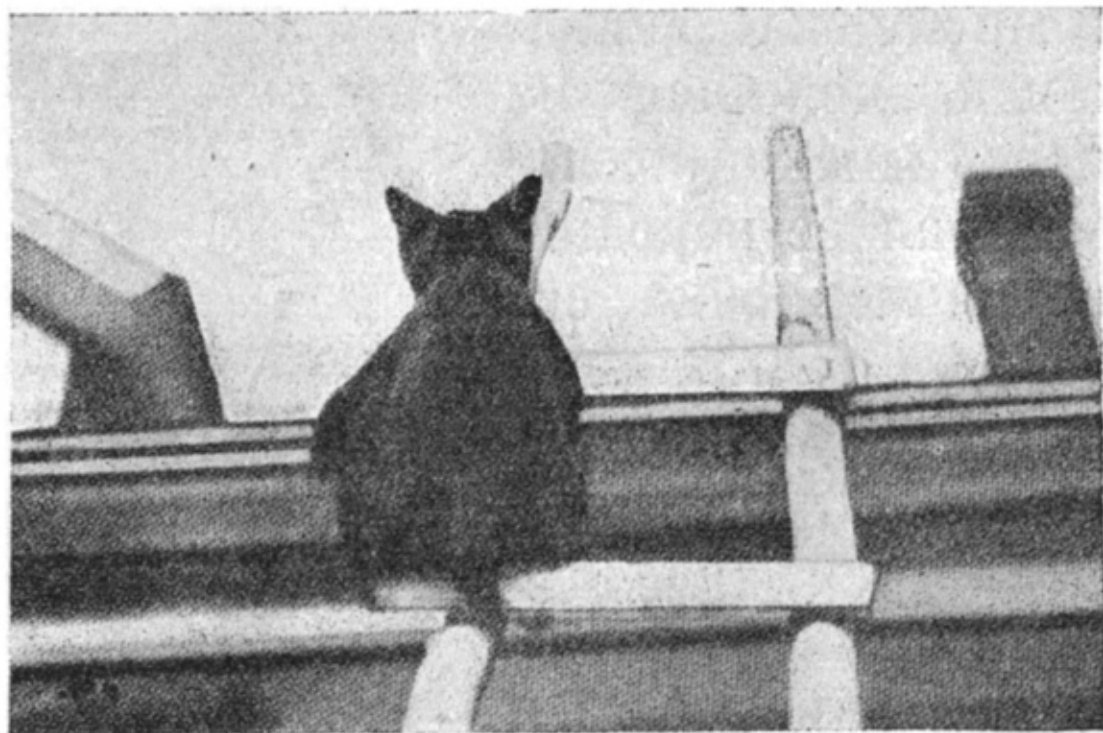
Потом Люси выносила его и миску на лужайку и ставила миску на землю. Медвежонок ложился на живот перед миской, крепко обхватывал ее передними лапами, мордочка его погружалась почти до глаз в молоко с хлебом, которые быстро исчезали. В это время, не смолкая, неслись звуки, показывающие жадность, удовлетворение и недоверие.

Когда медвежонок вылизывал миску так чисто, что не нужно было больше и мыть ее, он, казалось, чувствовал себя много лучше, и тут-то наступало время игры. Он катался по лужайке, кувыркался, карабкался по столбам террасы, доставляя этим удовольствие и себе и соседским ребятам, которые часто собирались посмотреть на него.

Здесь я должен добавить, что никогда мы не пользовались таким вниманием соседских детей, как тогда, когда Джимми был нашим гостем. До его

прибытия нам приносили молоко один раз в день. Теперь его приносили два раза, а яйца нам стали предлагать, кажется, каждый раз, как только курица начинала кудахтать. Большеглазые ребята все время прибежали узнать, не нужно ли нам кленового сахара или свежего масла, не хотим ли мы продать свое сено и не нужно ли нам напилить дров. И, конечно, спрашивающий никогда не уходил со двора, пока он мог видеть Джимми, независимо от того, нужно ли нам было что-

нибудь или нет. Джимми же всегда радовался своим маленьким посетителям и, казалось, прилагал все усилия, чтобы доставить им удовольствие.

Многие из взрослых соседей были далеко не так довольны Джимми. Среди них были люди, которым ежедневно приходилось проезжать мимо нашего дома. Лошади различно относятся к запаху медведя, но многие из них не выносят его, на них нападает приступ неудержимого страха. Такие лошади обычно начинали выказывать беспо-

койство уже за несколько сот метров от нашего дома. Они вздрагивали, поводили ушами, испуганно озирались по сторонам. Беспокойство это возрастало по мере приближения к дому, когда оно прорывалось уже во всю, особенно если они видели медведя или слышали его голос.

Однажды утром мимо нашего дома проезжал сосед-фермер на молодой, горячей лошади. Увидев медведя, он соскочил с седла, чтобы лучше разглядеть его. Но испуганная лошадь поднялась на дыбы и упала как раз в его сторону. С кошачьей ловкостью человек отпрыгнул и схватил лошадь под уздцы. Через секунду она стояла уже на всех четырех ногах. Фермер попросил меня поднести медвежонка поближе, так как он хотел, чтобы лошадь привыкла к его виду и запаху.

Я повернулся, чтобы взять медвежонка, но оказалось, что Джимми не понравилось поведение лошади, и он вскарабкался на верхушку одного из ближайших деревьев. Там он уселся, спокойно жуя дикие вишни. Только через четверть часа он согласился спуститься вниз, и я мог поднести его к лошади. При этом у Джимми был такой вид, словно он ей делает большую честь.

Джимми любил бывать на соседних фермах и никогда не уставал осматривать их. Казалось, что ему нравится запах садов и молочных, и, конечно, он знал, что там можно было найти что-нибудь вкусное. Потом на фермах была и еще одна забава: пугать кур, уток и овец и—громадное удовольствие! — гоняться за ними.

Иногда и хозяева ферм становились жертвами проказ Джимми. Один из наших соседей спал в первом этаже своего дома. Он очень любил свежий

воздух и спал с открытым окном. Однажды, медвежонок влез к нему в окно, и, когда вечером фермер лег в темноте в свою постель, он решил, что кто-то засунул туда стальной капкан. Но это был просто Джимми, разозлившийся, что его потревожили в такой поздний час. Он так крепко вцепился зубами в большой палец ноги фермера, что тому долго потом пришлось ходить с повязкой.

Люси считала, что ее обязанностью было знакомить Джимми с другими животными, жившими вокруг нас. Обычно в этом не было никакой надобности, так как Джимми вовсе не стеснялся сам знакомиться со всеми, с кем ему только случилось встретиться. Возможно, Люси думала, что при встрече он будет не так понят, если ее не будет при этом, и в этом, без сомнения, она была права. Но если Джимми не хотел с кем-либо знакомиться, то даже ее дружеские упрашивания не приводили ни к чему.

Я помню, однажды, Люси хотела познакомить его с красивой трехцветной овчаркой, по имени Брус. Люси сидела на лужайке около собаки и старалась подзвать к себе Джимми. Медвежонок отказывался подойти. Он ходил вокруг них, глядя на Бруса недоверчивыми глазами и, наконец, совсем ушел, предоставив им довольствоваться обществом друг друга.

Люси не поняла этого поступка, но я понял, так как видел их предыдущую встречу.

Несколько дней тому назад молодой шотландец-фермер, хозяин Бруса, ехал мимо нашего дома в своем экипаже. Собака сидела рядом с ним. Вдруг Брус спрыгнул с экипажа и оказался

на лужайке рядом с Джимми. Они с секунду смотрели друг на друга. Потом Джимми встал на задние лапы, вытянул вперед передние и пошел к собаке. Запах медведя показался овчарке слишком страшным, и она с воем кинулась прятаться под экипаж. Казалось, Брус стыдился своего бегства, но перед ним было такое странное неизвестное существо, и он чувствовал, что это существо очень опасно, а Брус не был храброй собакой.

Если бы Брус знал немного больше о медведях, он, конечно, меньше испугался бы, а если бы Джимми знал немного больше о собаках, — он был бы более осторожен.

В ту же минуту хозяин Бруса выскочил из экипажа. В одиночестве одна собака остается одной собакой, но когда сзади нее стоит человек, которого она любит и которому доверяет, она превращается в трех собак, а три собаки не могут бояться медвежонка, каким бы страшным он ни выглядел.

В то время, как ноги шотландца коснулись земли, Брус выскочил из-под экипажа и прыгнул прямо на черное мохнатое существо, стоявшее перед ним. Джимми перевернулся и покатился по земле, а когда он остановился, — овчарка стояла над ним.

— Бруси!

Хотя шотландец сказал это тихо, но в его голосе ясно звучало неодобрение, и собака побежала к хозяину.

— Стыдно! Ты не должен был трогать маленького, Бруси. Он же не обижал тебя!

Брус не был уверен в этом. Но раз хозяин говорит, — надо слушаться, и медвежонок был оставлен в покое.

Джимми не понял этого. Он не понимал, что собаки имеют хозяев, которых они обязаны слушаться, и что хозяину Бруса он был обязан своей жизнью. Джимми знал только, что его ужасно испугали и что в будущем надо избегать Бруса. Вот почему окончилась такой неудачей попытка Люси познакомить Джимми с Брусом.

Но неприязнь Джимми к Брусу вовсе не распространялась на других собак, у него были среди собак хорошие друзья. Одним из таких друзей была простая дворняжка по имени Бинго, которая жила на ферме в километре от нас. Иногда Джимми навещал ее, но чаще она прибегала к нашему дому.

Бинго был очень милой собакой. У него была черная, выгоревшая от солнца шерсть, а глаза и хвост его, казалось, соперничали друг с другом, выражая счастье и дружелюбие. Все мальчуганы на несколько километров кругом считали

Бинго своим товарищем. Они брали его с собой, когда шли ловить рыбу, собирать ягоды или пасти скотину. Но из всех юнцов Бинго сильнее всего любил одного — это был Джимми.

Казалось, что эта пара как-то особенно хорошо понимает друг друга. Я редко видел, чтобы два животных так весело проводили время, как они. Они гонялись друг за другом по полям, играли в пятнашки на гумне, а когда выбивались из сил, ложились на лужайке на полметра друг от друга и смотрели друг на друга, едва переводя дыхание.

Иногда они начинали бороться. Оба становились на задние лапы и старались повалить друг друга. Обычно борьба продолжалась до тех пор, пока Джимми не уставал. Иногда, казалось, Бинго уставал первый, но пока Джимми крепко держал его, — они все равно продолжали борьбу. Если же Бинго продолжал бороться, когда Джимми хотел уже кончить, — медвежонок спасался от него, влезая на дерево. Впрочем, это ему не всегда удавалось, так как, хотя Бинго и не умел лазать по деревьям, зато прыгал он великолепно. Когда медвеженку казалось, что он уже в безопасности, Бинго прыгал за ним, хватал его за короткий хвост или за заднюю лапу и стаскивал на землю.

Джимми требовал от нас очень немногого: он хотел только жить по своему желанию. И так как ему это дозволялось, то нам с ним было не очень трудно, хотя и не легко. Единственное, к чему он был очень требователен, это чтобы молоко, которое он пил за завтраком, было утреннего удоя. Совершенно бесполезно было

предлагать Джимми вчерашнее молоко, каким бы оно ни было теплым и подслащенным. Джимми знал толк в молоке. Он сейчас же открывал обман и поднимал такой вой, что мы рады были заставить его молчать какой угодно ценой. Как только приносилось новое молоко, Джимми сейчас же в перевалку бежал к нему и вой моментально прекращался.

Когда медвежонок съедал все молоко и сухари, — он готов был играть. Он катался по лужайке, кусал свои собственные ноги, взбирался на деревья.

Лазил он очень интересно и совсем иначе, чем это делают другие животные. Он поднимался по стволу целым рядом прыжков: отталкиваясь большими пальцами задних ног, он подпрыгивал, отрывал передние лапы от ствола дерева, чтобы снова обхватить его выше после прыжка. Он влезал на дерево с такой быстротой и ловкостью, которую трудно было предположить в нем.

Спускаться вниз ему было труднее, особенно в первое время. Позднее медвежонок стал искуснее и выучился даже соскальзывать с дерева, но сначала он спускался очень медленно и с поразительными предосторожностями, как пожилой неопытный путешественник спускается в пропасть. Он спускался хвостом вниз, постоянно останавливаясь и глядя вниз, как бы отыскивая удобные места, куда можно было бы поставить ногу, и иногда тихо повизгивал, как бы давая нам знать, что он великолепно понимает, какой опасности подвергается. Но Джимми всегда невинно добирался до земли и сразу же был готов отправиться в новое путешествие.

Самым большим удовольствием после еды для Джимми было купанье. Вскоре после завтрака мы выносили для него лохань с водой и он залезал в нее. Иногда, перед тем, как залезть в воду, медвежонок ходил на задних лапах вокруг лохани, окуная в нее передние лапы, как бы проверяя, достаточно ли тепла вода. Иногда он плясал вокруг кадушки, как молодой индеец, хлопал по воде своими маленькими «руками» и забрызгивал все и всех кругом. Потом он забирался в лохань и садился в ней на корточки, или, если воды было мало, катался на спине и мыл себе мордочку мокрыми лапами.

Когда ему надоедало плескаться в воде, он внезапно выпрыгивал из лохани и с брызгами, разлетающимися во все стороны с его длинной шерсти, мчался к кому-нибудь, кто случайно находился по близости. Лучше, если это была женщина, потому что обычно она начинала визжать, и это очень нравилось Джимми.

Бесполезно было пытаться куда-нибудь скрыться от него, так как он все равно настигал. Единственное спасение было за запертой дверью, но запертой на щеколду. Дверь, запертую просто, он открывал также легко, как и я. Сначала он ее приотворял передней лапой, а потом просовывал в щель морду.

Джимми, прежде всего, научился открывать дверь в кухню. В передней была точно такая же дверь, но кухонная дверь открывалась направо,

а дверь в переднюю налево. Раз, когда Джимми стремился войти в дом, я запер кухонную дверь на щеколду. Джимми не мог ее открыть и, обойдя дом, подошел к двери в переднюю. Было ясно, что он никогда не имел дела с дверями, открываю-

щимися с левой стороны. Он приложил всю свою энергию к тому, чтобы открыть ее справа. Когда Джимми, наконец, бросил эту неблагодарную работу и отошел от двери, я приоткрыл ее вершка на два и позвал медвежонка. В одно мгновение он просунул в щель нос и после этого открывал эту дверь так же легко, как кухонную.

Как только Джимми достаточно подрос, он отправился со мной на прогулку. Я взял в правую

руку его черную лапку, и он немного прошел со мной, как настоящий маленький человечек. Но Джимми скоро устал идти на двух ногах и побежал на всех четырех.

Мир за нашей оградой показался ему совсем новым и полным самых интересных вещей. Ему

хотелось сразу все рассмотреть. Он катался по траве, нюхал полевые цветы и делал неуклюжие попытки поймать бабочек, летавших вокруг него. Он входил во все дома, карабкался на шкафы, заботливо заглядывал в трубы, и вообще вел себя так, словно он собирался снять себе дом на лето.

Один раз с ним случилось неприятное событие.

Во дворе одного из домов был колодец с журавлем. Увидев гладкий шест, Джимми решил влезть на него. Журавль давно уже не употребляли, и он не двигался, пока Джимми не добрался до его верхушки. Вдруг, к великому удивлению и ужасу медвежонка, шест стал наклоняться и Джимми с грохотом упал вниз. По счастью отверстие колодца было закрыто досками.

Медвежата очень крепко сколочены, и Джимми больше испугался, чем ушибся. Несколько минут спустя, он уже забыл о случившемся. Во всяком случае он влез на следующий столб на дороге, к большому удовольствию проходившего мимо крестьянина, который заметил, ухмыляясь: «Верно медведь хочет посмотреть, как далеко он отошел от дома».

Мы шли вдоль проселочной дороги. Джимми весело бежал, то обгоняя меня, то отставая, а иногда забегал в глубь леса, чтобы посмотреть, что там делается, или поесть дикой малины, которую он очень любил.

Когда Джимми находил куст малины, он обедал сначала все ягоды на нижних ветвях, а потом становился на задние лапы и передними наклонял к себе верхние ветки.

Медвежонок тратил массу энергии. Казалось, он совсем не знает, что такое усталость. Отбежав

от меня вперед метров на сто, Джимми вдруг бешено неся назад ко мне, налетал на меня, кусал за ноги, толкал передними лапами, а потом удирал вновь, чтобы вскарабкаться на дерево метров в пятнадцать вышиной, на стволе которого не было даже ветвей. Джимми на минуту прятался в зеленых листьях на вершине дерева, а потом соскальзывал вниз вперед хвостом и сразу пускался в галоп, как-будто радуясь, что он вновь на земле.

Джимми храбро лазил по верхушкам каменных стен, медленно и осторожно ходил по верхним перекладинам заборов и быстро карабкался по стволам деревьев, когда под рукой не оказывалось чего-нибудь более интересного.

Иногда он засиживался на дереве так долго, что я уходил далеко вперед по дороге или прятался в густой траве и звал его, чтобы посмотреть, что он будет делать.

Джимми редко, разыскивая меня, нюхал мои следы, как делают это собаки. Он больше доверял своим ушам и глазам, особенно глазам. При звуке моего голоса он становился на задние лапы, и я видел, как он пристально смотрит в мою сторону через верхушки стеблей травы.

Если я звал его опять или он замечал меня, он опускался на все четыре лапы и бежал ко мне. Если по дороге ему начинало казаться, что он ошибается в направлении, он опять вставал на задние лапы и осматривался.

Когда Джимми, наконец, находил меня, он, казалось, был очень доволен, но не высказывал никакого возбуждения, как это сделал бы ручной волк или лисица, а просто бежал опять рядом со мной.

На перекрестке двух дорог Джимми нашел большой, выложенный камнем, водоем. Он сразу решил, для чего это предназначается. Медвежонок вскарабкался на край водоема, бултыхнулся в воду, поплавал взад и вперед, потом выбрался на дорогу и встряхнул свою мокрую шкуру прямо на меня.

Мы перелезли через изгородь и пошли полем. Я увидел, что по дороге ехал фермер с косилкой. Его уставшие от работы на жаре лошади направились прямо к водоему. Они было дотронулись уже мордами до воды, как вдруг вскинули головы, зафыркали и не стали пить. Фермер уговаривал их словами, успокаивал, похлопывая по шее, но ничем не мог их успокоить. Тогда я подошел к фермеру и объяснил ему, что Джимми испортил воду, выкупавшись в ней. Фермер выпустил всю воду из водоема, выскреб его ветвями и жесткой травой и наполнил вновь свежей водой. Только тогда лошади начали пить.

Скоро мы подошли к озеру. Джимми бросился в воду и долго плавал. Потом он вылез на берег и опять встряхнулся, как собака. Я сидел на берегу и смотрел, что он будет делать дальше. Медвежонок побрел вдоль берега, шлепая по мелкой воде. Недалеко от берега сидела на плоском камне водяная крыса, потирая лапками нос. Я думал, что она удерет за долго до того, как Джимми приблизится к ней. Но крыса не двигалась, а Джимми не замечал ее, пока они оказались совсем рядом. Медвежонок потянул носом, исследуя, чем пахнет, а крыса повернулась к нему мордочкой. Потом Джимми встал на задние лапы и неуверенно посмотрел на крысу, как бы

не зная, что ему делать. Затем он снова опустился на все четыре лапы и опять задумался, нюхая воздух. Крыса, очевидно решив, что настал подходящий момент показать свою храбрость, прыгнула к медведю, щелкнула зубами и обратилась в бегство. Но она сделала это все же недостаточно быстро. Джимми вытянул лапу и так ударил крысу, что она отлетела прямо на берег. Она сейчас же оправилась и нырнула в воду.

Теперь кровь Джимми закипела и он тоже бросился в озеро. Что было дальше, — я не мог разобрать, так как мешали брызги, но, во всяком случае, крыса успела укусить медвежонка в нос. Джимми с воем, ужасно перепуганный, повернулся и побежал к берегу. Он не останавливался, пока не почувствовал себя в безопасности на ветвях дерева. Джимми сидел там и утешал себя, жуя листья и кору, пока не успокоился настолько, что готов был идти домой.

Когда мы вернулись назад, я увидел на крыше дома кровельщика. Он чинил ее. Перекинувшись с ним несколькими словами, я вошел в дом, оставив Джимми на дворе. Вдруг я услышал страшный крик. Я выбежал в сад и увидел, что кровельщик стоит, прислонившись к трубе, страшно бледный, и вытирает пот со лба.

Оказалось, что Джимми, увидев, что на крыше кто-то есть, полез по лестнице наверх расследовать дело. Кровельщик, наклонившийся над своей работой, не заметил приближения медведя, а стук его молотка помешал ему расслышать легкий шорох позади него. Вообразите ужас кровельщика, когда сильные мохнатые лапы обхватили его за горло и стальные когти впились ему в шею!

С этих пор Джимми часто ходил гулять со мной. Оставить его дома было не легким делом, как бы я ни хотел этого. Если он был на свободе, он шел со мной независимо от того, приглашал я его или нет. Если же я запираю его, — ну, тогда мне оставалось только проклинать себя. Я попытался однажды запереть его, и дыра, которую Джимми прогрыз в двери, была почти также велика, как поднятый им вой.

Я не слышал сам этого воя, но достаточно услышал о нем, когда вернулся, от остальных обитателей дома и с этого времени получил строгий приказ брать Джимми всегда с собой, разве только найдется слишком уважительная причина, почему нельзя этого сделать.

Я никогда не забуду первой встречи Джимми с коровой. Несколько коров паслись на поле около дороги. Джимми встал на задние лапы около столба изгороди и внимательно смотрел на них. Вдруг одна из коров подняла голову и увидела его. Конечно, он показался ей таким же странным, как и она ему. Она пошла вперед, очевидно, чтобы лучше рассмотреть медвежонка.

Когда корова подошла довольно близко и остановилась, Джимми, как-будто желая встретить ее на пол-дороги, пролез под проволочной сеткой и пошел ей навстречу. Теперь они стояли прямо мордой к морде.

Казалось, Джимми особенно заинтересовали уши коровы, самые большие, волосатые и интересные уши, какие он когда-либо видел. Джимми вытянул лапу и дотронулся до одного из них. Но корова не выдержала такой вольности обращения. Действуя рогами, как тараном, она так ударила Джимми, что тот прокатился по земле под забор и отлетел метра на два по другую сторону его.

Поднявшись, медвежонок побежал ко мне, так визжа и бранясь, как-будто я был виноват в его несчастьи. Может быть, он бежал только за утешением,—ведь он был все же еще малышом, а корова обошлась с ним слишком сурово. Я, конечно, постарался утешить его.

Несколько дней спустя мы проходили через пастбище, где паслась корова с телятком. При виде Джимми корова подняла хвост и бросилась к нему, но Джимми, после своего первого грустного опыта, вовсе не хотел другой такой же встречи. Столб изгороди, окружавшей пастбище, был достаточно высок, и Джимми побежал к нему со всей быстротой, на какую только он был способен. Корова бежала за ним. Но Джимми прибежал первым и быстро вскарабкался на верхушку столба. Босси, корова, увидев, что до него нельзя добраться, остановилась вблизи столба и смотрела на Джимми. Медвежонок с верхушки столба смотрел на корову. Вдруг его, очевидно, осе-

нила блестящая идея. Он спустился вниз и медленно пошел на встречу врагу.

Корова, казалось, решила, что теперь настал для нее удобный случай.. Она нагнула голову, готовая броситься и перекинуть медвежонка через изгородь, но Джимми, вместо того, чтобы подойти вплотную к корове, как он это сделал в первый раз, остановился недалеко от нее и встал на задние лапы. Потом, без всяких предупреждений, он «встал в позицию», как настоящий кулачный боец, и дважды ударил ее по морде, справа и слева. Раньше, чем корова успела притти в себя от неожиданности, Джимми вскарабкался опять на столб с каким-то насмешливым, как мне показалось, выражением на его маленькой дерзкой мордочке.

III.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ В ЛЕСУ ГОЛУБОЙ ГОРЫ.

Во второй половине лета мы решили переехать из Хэвен Коттэджа в северную часть леса. Мы поселились на ферме около Ворот Западного Прохода со всем своим зверинцем, состоящим из волков, лисиц, енотов и самого беспокойного члена его — Джимми, черного медвежонка.

Наша хозяйка, жена фермера, была полная женщина с настолько большим сердцем, что ономестило всех нас. Хотя мы и сильно испытывали ее терпенье, но она обращалась со всеми членами зверинца так, словно они были самыми почетными гостями в ее гостеприимном доме. Теперь ее уже нет в живых, но у нас осталась память об ее улыбке и неизменно добром ко всем отношении.

Почти каждый день я ходил в лес, и Джимми обычно шел со мной. Он никогда не ходил за мной по пятам, а бродил там, где ему больше нравилось. Иногда я терял его из вида на полчаса, а потом он внезапно появлялся, то соскальзывая с дерева где-нибудь на краю дороги, то догоняя меня галопом, на бегу отряхивая воду после купанья.

Из-за этой привычки исчезать я и потерял его однажды. Напрасно я искал и звал его, он не появлялся. Встревоженный и огорченный, я пошел домой без него.

Рано утром, к великому нашему облегчению, он вернулся на ферму и был как-будто бы очень рад нас снова увидеть. Впоследствии мы узнали, что в этот раз он наткнулся в лесу на пикник и пригласил сам себя к завтраку. Он так наелся, что уже не в состоянии был добраться до дома.

Если же Джимми не хотел теряться,— потерять его было невозможно. Однажды мне хотелось побыть в лесу одному. Я ускользнул от медвежонка и прошел через гору к лесному озеру, которое хотел исследовать.

Я влез в лодку и оттолкнулся от берега. Но не успел я отъехать и сотни метров, как услышал позади себя в лесу какой-то шум. Я обернулся и увидел Джимми, несущегося полным галопом к берегу. Он увидел меня и, не задумываясь ни на минуту, бросился в воду и поплыл к лодке. Конечно, можно бы было уплыть от него. Но он высказал такую отвагу, что у меня не хватило на это сил. Я остановился, подождал его, а затем, рискуя опрокинуть мою неустойчивую лодку, протянул ему руку и помог взобраться на борт.

Ранней осенью в лесу Голубой Горы началась охота. Однажды, Джимми принял странное участие в ней. Он побрел за маленькой партией охотников, которые остановились поиграть с ним. Лесничий Кимптон, хорошо знавший медвежонка, был очень недоволен этим. Он просил отозвать Джимми и запереть его в житнице. Но его товарищи решили, что медвежонок будет хорошей компанией и забавно будет, если он проводит их хоть часть

пути. Поэтому Джимми шел за ними до высокой ограды, окружавшей лес.

Тут было очень удобное место для разлуки с ним. Охотники захлопнули ворота перед самым его носом, несмотря на громкие протесты Джимми, и дальше пошли одни. Километра через три они добрались до холма, на котором стояли развалины старой фермы. Тут они решили притаиться, выжидая оленей.

Но им не долго пришлось посидеть в тишине. Вдруг они услышали треск в кустах с другой

стороны развалин и оттуда появился Джимми, тяжело дыша от усталости. Он был похож на мальчугана, отыскавшего, наконец, своих товарищей, которые проделали над ним скверную шутку, а затем убежали и спрятались.

— А, вот вы где! — казалось, сказал он. — Вы думали, что я не найду вас? Ну, теперь я с вами сведу счеты за ту скверную шутку, которую вы сыграли со мной!

И он действительно свел с ними счеты. Сначала он встал на задние лапы перед одним из сидевших охотников и быстрым ударом нахлобучил ему шляпу на самые глаза. Потом он бросился к другому, схватил его ружье и отбросил его в сторону. Напрасно его убеждали остановиться, напрасно кричали на него, — Джимми не успокаивался. Когда его, наконец, схватили, он стал кусаться и орать изо всех сил.

В это время Кимптон, который был проводником всей партии, предупреждавший их в самом начале, что не надо брать Джимми, лежал на траве, махал ногами в воздухе и хохотал, как сумасшедший.

Вдруг Джимми остановился. Что-то в лесу привлекло его внимание. Он бросился к росшему поблизости клену и полез на него. Добравшись до первой нижней ветви дерева, росшей довольно высоко над землей, он крепко уселся на ней и внимательно огляделся кругом.

Охотники, проследив, куда он смотрит, увидели рогатую голову, выглядывавшую из-за деревьев. Это был белохвостый олень-самец. Было видно, что олень боялся шума, но ему было интересно видеть, кто его производит.

Олень стоял так, что выстрелить в него было невозможно. Если бы Джимми вел себя спокойнее, олень, может быть, подошел бы поближе.

Но Джимми не собирался сидеть спокойно. «О-о-ох!» — сказал он, как-будто пораженный встречей с оленем. Потом, быстро взглянув по другую сторону дерева, он повторил опять «о-о-о-х!» таким испуганным голосом, как-будто бы только теперь он понял, что олень самое ужасное существо, какое он когда-либо встречал в жизни.

У Джимми был такой глупый вид, и так нелепо он это сказал, что на момент все охотники забыли про оленя, а тэт громко фыркнул, вскинул в воздух свой белый флаг и быстро скрылся из вида.

В то время Джимми очень любил возиться и бороться, но всегда старался выбирать своими противниками женщин и детей. Он по опыту знал, что мужчины и большие мальчики бывают часто грубы и делают больно, а женщины и дети добрее и стараются не сделать ему больно. Но сам Джимми, хотя и был игрив и добродушен, никогда не упускал случая попасть женщине в глаз или ткнуть ребенка носом в грязь и радовался своей победе.

Если мне случалось быть на месте прсисшествия, я, конечно, спасал его жертву и делал строгое внушение медвежонку. Джимми садился на задние лапы и, казалось, внимательно выслушивал каждое мое слово. Но боюсь, что мои внушения никогда не оказывали действительного влияния, потому что на следующий день он гстов был делать то же самое, да даже не на сле-

дующий день, а в следующую минуту, если к этому представлялся удобный случай.

Однажды, когда я бранил его за грубость, проявленную им по отношению к одной знакомой, приехавшей из Бостона, случилась странная вещь. Джимми выслушал меня до конца, потом повернулся ко мне, поднял правую лапу, прижал «большой палец» к носу и растопырил остальные пальцы. Конечно, я уверен, что он сделал это случайно, и не может быть, чтобы он понимал значение этого жеста, но случайному наблюдателю могло показаться, что Джимми делал мне «нос», словно хотел показать полное пренебрежение к моим словам.

Бостонская знакомая поспешно ушла со словами: «Ну, с ним не очень-то приятно иметь дело».

Были дни, когда посетителей не было, но Джимми и без них не скучал, так как на ферме не было конца всяким развлечениям для того, кто умел находить их.

Однажды, жена фермера подоила коров и шла вверх по холму к дсму с полным ведром молока. Вдруг, она заметила, что навстречу ей несется Джимми со скверным намерением, явно сквозящим в каждом взгляде его маленьких глаз. Она сразу поняла, к чему он стремится. Будь сна хоть немного поближе к сараю, она могла бы спастись, хлопнув за собой дверь. Но она была слишком неповоротлива, да и трудно было бежать с полным ведром. Фермерше оставалось только остановиться и ждать нападения.

Ей не пришлось долго ждать. Через минуту Джимми стоял перед ней на задних лапах, обняв сильными передними лапами ведро и погрузил

свою длинную морду в теплое молоко. Напрасно фермерша старалась оттащить ведро,— оно, казалось, было приклеено к Джимми. Моя жена прибежала ей на помощь, а я, услышав их крики, прибежал на помощь им обеим.

Я прибежал, однако, слишком поздно, и четвероногий насос уже почти опустошил ведро, когда мне удалось, наконец, отнять молоко у медвежонка.

Пожалуй, самое удивительное происшествие случилось, когда, однажды, Джимми заперли в подвале, чтобы удержать подальше от кладовой, где, между прочим, стояла (что мы, к сожалению, вспомнили слишком поздно) громадная бочка, наполненная чистой питьевой водой из ручья, который протекал позади амбара. Наша хозяйка, занятая в кухне, внезапно услышала какой-то необыкновенный шум, несущийся из кладовой. Шум был слишком громким для крыс, а Джимми, конечно, должен был находиться спокойно в подвале. Схватив скалку, хозяйка бросилась из кухни и широко распахнула дверь кладовой.

Зрелище, которое она там увидела, так поразило ее, что она выронила скалку и тяжело опустилась на стул. Было похоже на то, что в кладовой произошел пожар и наводнение. Пол да и все кругом было залито водой. Печенье печально лежало среди черепков разбитых горшков. В полу была преломана большая дыра, и щепки гнилого дерева довершали беспорядок. Но, главное, что так потрясло хозяйку,— это Джимми, который стоял в бочке с водой и работал передними лапами, как спицами мельнич-

ного колеса, разбрызгивая воду во всех направлениях.

Оставшись один в подвале, он вскарабкался на кучу досок и заметив, что старый пол кладовой около бочки был гнилой, он выломал в нем дыру своими сильными когтями и забрался туда, куда всегда стремился попасть.

Наконец для нас был отремонтирован старый дом в «стране Солнечного Заката», и мы стали готовиться к переезду туда. Кроме домашней обстановки, надо было перевезти туда и всех наших зверей. Для них сделали большие ящики со стенками, затянутыми проволочными сетками. Мы наняли несколько подвод и на каждую, кроме мебели, поместили по клетке с живым грузом.

Я решил ехать на одной подводе с Джимми. Его клетку поставили на дно телеги, а сверху навалили столы, стулья и всякую другую мебель. С боков клетки мебель положили так, чтобы у Джимми было достаточно воздуха, и я мог бы время от времени глядеть на него. Ему первый раз пришлось быть в клетке, и, думая, что он может попробовать сломать сетку, пытаясь вылезти на свободу, я предусмотрительно надел ему кожаный ошейник и прикрепил его цепью к стенке клетки.

Как я и думал, Джимми не понравилось путешествие. Он начал ворчать с той минуты, как его привязали, и вой его становился все громче и громче.

Он ходил все кругом и кругом, насколько ему позволяла цепь. Вдруг я заметил, что цепь его делается все короче и короче. Медвежонок все

больше запутывал ее. Но цепь была длинная, и я не особенно беспокоился, пока лошади не начали подниматься на последний холм. Тут я заметил, что цепь уже вся запуталась в клубок и голова Джимми совсем притянута к полу. Мы были уже в нескольких минутах пути от нашего будущего жилища, и страдания медвежонка скоро должны были кончиться. Я совсем не воображал, что может случиться и в половину этого времени!

Не прекращавшийся рев медведя стал сильнее, но вдруг его протяжный стон оборвался на середине, и в клетке наступила тишина. Я взобрался на край телеги и заглянул внутрь клетки. Последним поворотом Джимми так натянул ошейник, что тот врезался ему в шею и удушил его.

Лошадей остановили. Я быстро влез на верхушку воза, перерезал острым карманным ножом веревки, обвязывающие его, и, вместе с возницей, начал сбрасывать мебель на дорогу, чтобы поскорее добраться до клетки. Послышался треск, ножки столов и стульев отламывались при падении.

— Письменный стол разлетится вдребезги, — заботливо предупредил возница.

— Пускай разлетается, — ответил я, — лишь бы спасти медведя.

Стол действительно разлетелся. Но зато я сразу смог открыть ножом дверцу клетки и вползти внутрь.

Все же я опоздал. Голова Джимми была крепко прикручена цепью, из покрытого пеной рта свешивался язык. Я разрезал кожаный ошейник, легкое тело медвежонка перевернулось и легло неподвижно.

Тяжелая это была минута, и виноват во всем был я сам. Я должен был как следует осмотреть цепь и убедиться, что кольцо на ней хорошо вращается. Я мог бы спасти Джимми, если бы не поленился разложить воз полчаса назад. Я поднял медвежонка, положил его на траву и сел около него. Возница стоял с другой стороны с шапкой в руках, опустив голову. Потом он повернулся и начал нагружать сломанную мебель опять на телегу. Жизнь должна идти своим чередом, хотя бы Джимми и был мертв!

Вдруг что-то дотронулось до моей руки. Я повернулся к маленькому телу и увидел, что задняя нога Джимми тихонько пошевелилась. Я подозвал возницу, и, пока он бежал, тело Джимми слегка дрогнуло, бока его поднялись, и он глубоко вздохнул.

— Он не мертвый! — закричал возница с такой силой, как-будто, чем громче он это заявит, тем вернее это подействует. Может быть, это и помогло, потому что Джимми, действительно, открыл глаза, глубоко вздохнул еще несколько раз и попробовал подняться на ноги.

А я,— ну, мне не было дела больше ни до чего на свете! Я просто взял моего милого медвежонка на руки и понес его вверх по холму к его новому дому.

IV.

ПРОКАЗЫ ДЖИММИ В СТРАНЕ СОЛНЕЧНОГО ЗАКАТА.

Я не думаю, чтобы был хоть один человек на двадцать километров кругом от нашего старого дома, который не знал бы Джимми. А все,

кто знал его, как-будто бы поставили себе в обязанность навещать его, чтобы доказать свое уважение к нему и получить урок в «науке о медведях», как выразился один из таких посетителей.

Джимми принимал всех, но далеко не одинаково. Одних с удовольствием, других со снисходительностью, безразличием, третьих даже с неудовольствием, смотря по настроению. Нередко можно было ясно заметить, что его настроение зависит от того, сколько времени прошло от последней кормежки.

В одно из воскресений к нашему дому за день подъехало тридцать два экипажа. Кроме того, много народу пришло пешком, а один человек привез с собой в коляске больного ребенка. Среди них совсем не было наших знакомых, не было никого, кого бы мы приглашали. Мы ведь только недавно переехали сюда, наш дом отстоял на добрых 15 километров от железнодорожной станции и на пять километров от почтовой конторы. К тому же ехать к нам приходилось «в гору в оба конца», как говорят жители Нового Хэмпшайра. Но Джимми уже успел прославиться. Это были его гости, и он сам должен был их принимать. А нам оставалось лишь сидеть наверху у окна и наблюдать то, что происходит.

Одной из первых пришла женщина с ребенком двух-трех лет. Джимми спокойно лежал на лужайке, жуя траву, и даже поднялся им навстречу.

— Смотри, милый! Смотри, какой хорошенький медвежонок! — говорила женщина, доверчиво приближаясь и ведя ребенка за руку.

— Крошка, погладь медвеженочка.

Малыш без малейшего колебания засеменил вперед и положил руку на голову нашего приятеля. Джимми же принял это за предложение бороться. Быстро поднялся он на задние лапы и схватил малыша своими сильными передними лапами. Испуганный малыш, с вылезавшими от страха на лоб глазами, кричал и барахтался, а Джимми, держась твердо и прямо, с удивлением глядел на своего предполагаемого противника: он не ожидал такого исхода борьбы. В это время подбежала перепуганная мать, схватила ребенка на руки и удалилась с замечаниями, далеко не лестными для хозяев медвежонка. Она получила хороший урок и должна была понять, что глупо так неосторожно обращаться с животными, раньше чем узнаешь о их привычках, силе и настроении. Может быть, в следующий раз она будет умнее.

Следующими пришли двое мужчин. Один из них нес корзинку с яблоками. Он вытянул руки с корзиной вперед, думая этим привлечь внимание медвежонка. Когда Джимми приблизился, человек сделал попытку спрятать яблоки, но раздалось недовольное «ууф», черная лапа быстро протянулась вперед, и сильные когти вцепились в край корзинки. Половина яблок разлетелась по лужайке, и только тогда, когда Джимми уселся, держа спелое яблоко в передних лапах, он разрешил человеку собрать остальные.

Одна из самых забавных сцен разыгралась как раз напротив того окна, из которого мы глядели. Среди посетителей появилась очень нервная молодая женщина, любопытство которой оказалось все же больше, чем ее страх перед медве-

дем. Она была больше, чем полная. Джимми, казалось, очень хотелось схватить ее. Долго она старалась избегать его лап. Хотя ей и интересно было видеть все, что он проделывает, но все же она старалась держаться от него на почтительном расстоянии.

Мало-по-малу, когда она увидела, как медвежонок играет с детьми довольно далеко от нее, она забыла свою осторожность и, отвернувшись, стала разговаривать со своими знакомыми. Вдруг раздался дикий крик: Джимми заметил, что она перестала наблюдать за ним, помчался к ней, как бешеный, и, ударив ее под колени, сшиб ее с ног. Она уселась на землю с поразительной быстротой, а Джимми, не успев удрать, попал как раз под нее.

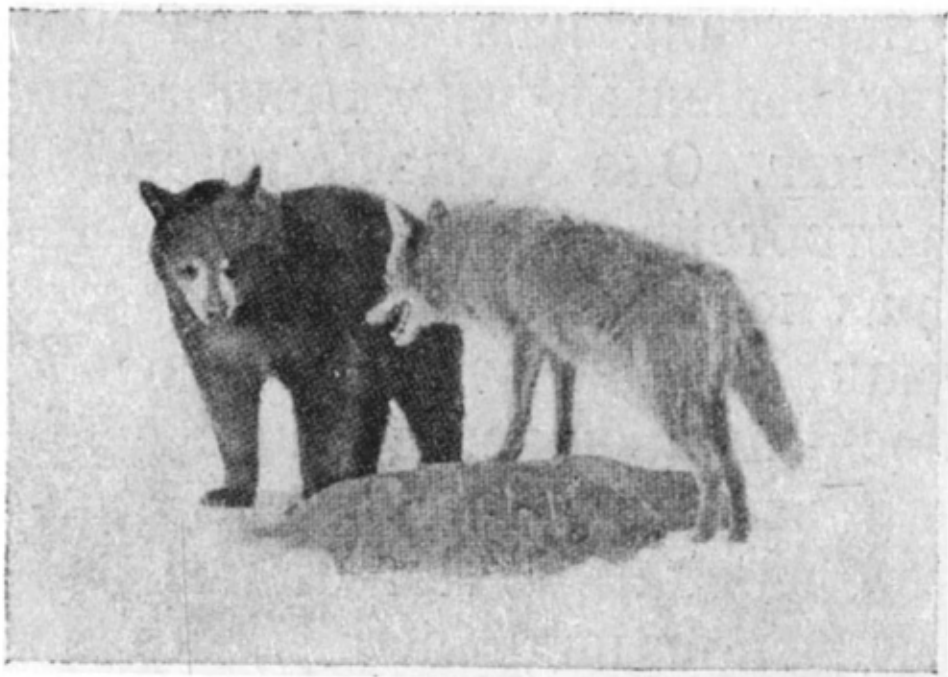
С секунду я думал, что он уже задавлен на смерть, но вдруг послышалось негодующее «ууф», и молодая женщина вскочила на ноги с такой поспешностью, какой я никак не мог от нее ожидать, а Джимми медленно поднялся и, хромя и ворча, пошел прочь сердито оглядываясь на женщину, которая его чуть не задавила. Бедная женщина влезла в свой экипаж с красным, как свекла, лицом и уехала, не бросив ни одного взгляда на виновника своего несчастья.

Среди животных у Джимми тоже было много друзей. Он дружен был с ручным оленем и кайотом по имени Ромулюс. С кайотом они были особенные приятели, хотя Ромулюс часто мучил Джимми.

Кайот — маленький волк прерий — имел привычку бегать сзади медвежонка, кусать его за задние лапы и убегать прежде, чем Джимми.

успеет ему отомстить. Но Джимми был одно из самых добродушных созданий, какое я когда-либо знал. Другие животные могли делать с ним все, что угодно, даже утаскивать пищу у него из-под носа, без всякого протеста со стороны Джимми, если только это не был его любимый плюм-пуддинг.

Джимми очень любил это блюдо, а его приятельница Люси всегда старалась приготовить его побольше, гораздо больше, чем нужно было для

нашей семьи. Самую большую порцию получал Джимми.

Однажды Люси дала ему в кастрюле порядочную порцию пуддинга. Джимми сел на снег, обхватил обеими лапами

кастрюлю, зарылся носом в пуддинг и наслаждался. Вдруг скрип снега предупредил его о чьем-то приближении. Он приподнял нос над кастрюлей и посмотрел, кто идет. Рядом с ним оказался ручной олень. Джимми, зная, что это не страшный противник, засунул снова нос в кастрюлю и продолжал свой обед.

Но тут опять слышался скрип снега, и из-за угла показался кайот, с видом скверного мальчишки, замышляющего злую шалость. Он подбежал к Джимми, схватил зубами ручку кастрюли и начал тянуть ее к себе. Бедный

Джимми попал в очень неудобное положение. Во-первых, он сидел. Во-вторых, передние лапы его были заняты кастрюлей, а рот набит плюм-пуддингом. Он мог только трясти кастрюлю, издавать глухое ворчливое рычание и стараться поскорее проглотить то, что было у него во рту.

Кайот не желал слушать его предостережений. Он хотел вырвать кастрюлю и, держась за ручку

зубами и крепко упираясь задними ногами в снег, он тянул и тянул ее, как собака тащит конец веревки. Наконец, бедный Джимми почувствовал, что кастрюля выскальзывает у него из лап. Тогда он бросил ее, схватил своими крепкими лапами кайота, повалил его на снег, уселся на него, поднял опять кастрюлю и стал спокойно доедать свой плюм-пуддинг.

Джимми по-своему очень любил меня и готов был играть со мной в любое время. Если я согла-

шался играть с ним,— он играл без конца, но если я отталкивал его или он ушибался во время игры, он уходил, ворча и оглядываясь на меня с негодующим видом, как бы говоря: «вот уж я не ожидал этого от тебя». Если он слышал, что я возвращаюсь с прогулки или с поездки на лекции,— он, переваливаясь, выбегал на дорогу встретить меня, ласково толкал меня, шутя кусал.

Один раз я вернулся из поездки с чемоданом в руке. Вместе с Джимми меня вышла встретить и моя жена. Я поставил чемодан на землю, что бы поздороваться с ней. Минуты через две мы повернулись и увидели, что Джимми спокойно утащил чемодан и разорвал его на куски.

Однажды, Джимми заснул на террасе. Увидав это, я побежал за фотографическим аппаратом, боясь, что я никогда больше не увижу его спящим. Страх мой действительно имел осно-

вание, так как за всю его остальную жизнь с нами я никогда больше не видал его спящим. Конечно, это не значит, что он вообще не спал, но почему-то он никогда не спал при публике.

Обычно он спал в своей берлоге. Это было где-то под террасой. Входом туда служила дыра, и в эту дыру он утаскивал все, что ему годилось, или что, он думал, могло бы пригодиться в будущем. Помню, как он утащил туда однажды бесконечно длинный половик с лестницы. Другой раз это было белье, повешенное после стирки для просушки. В это время нас никого не было дома, и мы узнали все подробности от взволнованного мальчугана, который видел, как было совершено это преступление, но не осмелился вмешаться.

И Джимми и Ромулюс были на свободе. Началось с того, что Джимми стал карабкаться на кол, к которому была привязана веревка для белья, и повалил его. После этого белье уже стало легко достать, и Джимми постарался оборвать веревку с одного конца. Тут появился на помощь кайот, и они стали стараться соединенными силами утащить сразу все белье вместе с веревкой. Но так как был оборван только один конец веревки, то все их усилия пропадали даром, пока Ромулюс не догадался пустить в ход зубы и не перегрыз веревку и с другого конца.

Теперь уже была полная возможность утащить добычу. Но они не могли сразу решить, что с ней делать. Последовало долгое «совещание», сопровождающееся визгом, воем и дракой, и, наконец, они, очевидно, решили, что пусть каждый берет то, что сможет взять. Тут произошла уж

совсем бурная схватка, и в результате выстиранное белье потеряло всю свою чистоту, да и вообще потерпело ужасный урон.

Медленно все эти обрывки и грязные лохмотья приближались ко входу в медвежью берлогу. Ромулюс был ловчее и быстрее, но Джимми был тяжелее, и, когда они тянули, вес Джимми, конечно, имел большое значение. Наконец, Джимми добрался до своего убежища и исчез в нем, а за ним последовало что-то, напоминающее грязного и лохматого удава.

Прежде чем тряпье успело совсем исчезнуть, кайот сделал последнее усилие захватить хоть часть добычи. Попытка его увенчалась наградой в виде одного рукава рубашки, который он унес с таким гордым видом, словно он тащил всю веревку с бельем.

Осенью у Джимми появился страшный аппетит, он начал быстро жиреть и стал гораздо ленивее. Кроме своей обычной еды, он съедал громадное количество сбитых ветром яблок. Если же они не падали, Джимми влезал на дерево и тряс его ствол. Яблоки падали, а Джимми подбирали их и ел, держа передними лапами. Иногда прибежал Ромулюс и дразнил его, унося его яблоки. Обычно Ромулюс не ел яблок, но случалось, что он делал это, чтобы подразнить Джимми. Он утаскивал всегда именно те яблоки, которые медвежонок отобрал для себя.

Однажды моя жена видела, как кайот утащил одно за другим девять яблок. Бедный Джимми был слишком медлителен и тяжел на подъем и его попытки поймать своего мучителя почти никогда не удавались. Но, даже поймав

кайота, он разве слегка кусал его в знак предостережения.

Джимми запасался жиром, готовясь к наступающему холодному времени. Работа по устройству берлоги тоже продолжалась все с большей энергией. Однажды я повесил свой пиджак на дерево, и он исчез. Никто не видал его, а я почему-то не заподозрил в этой пропаже участия Джимми, пока не увидел на следующий день медвежонка, влезавшего в берлогу с соломенной шляпой моей жены в зубах. Но даже тогда мне не удалось сейчас же влезть в берлогу за этими вещами.

Вскоре после этого несколько человек рабочих были наняты, чтобы расчистить родник и провести из него воду в дом. Пока они работали, Джимми украл их верхнюю одежду и перетаскивал все, одну вещь за другой, в свою нору. В пять часов, когда рабочие бросили работу, они заметили пропажу и сразу заподозрили Джимми. Я услышал голоса у двери своего кабинета, и, открыв дверь, увидел рабочих в одних рубашках, без пиджаков, пришедших спросить, как теперь им быть. Единственное, что можно было сделать, это — обследовать жилище Джимми.

Я расширил лопатой вход под террасу, так что смог проползти туда. Потом мне пришлось еще пробираться метров десять или пятнадцать к углу дома и там я, наконец, нашел берлогу.

Под домом было почти темно, но все же картина, открывшаяся передо мной, была достаточно видна. В земле была выкопана большая яма. Она была наполнена такой коллекцией вещей, какую можно увидеть разве только

в лавке старьевщика. Сверху лежала последняя добыча — пиджаки рабочих, мой утеранный пиджак и шляпа моей жены. Под этими вещами было еще несколько слоев — клочки рваного ковра, половина цыновки, шерстяное покрывало, остатки грязного, рваного белья, часть которого до сих пор осталась прикрепленной к веревке деревянными зажимками. Много было там и других вещей, но рабочие ждали свою одежду, и я поспешил выкарабкаться назад. Потом я вернулся и спас еще несколько вещей, в том числе покрывало и пару перчаток, но большая часть вещей была в таком состоянии, что уж лучше им было оставаться на месте.

На посетителей внимание, оказываемое им медвежонком, производило разное впечатление. Тут играла роль отчасти и различная нервная система посетителей, отчасти и различные способы, которыми Джимми действовал на эти нервные системы. Иногда это воздействие бывало удивительным. Например, я помню случай с одной хромой дамой, которая приехала к нам и сидела у нас на террасе. Она ходила на костылях и в течение уже нескольких лет не могла разогнуть колен. Вдруг Джимми вышел из угла террасы и направился прямо к ней с веселым блеском в глазах. Совершилось чудо. Давно недвигающиеся колени женщины начали разгибаться, ее ноги встали на пол, а к тому времени, как медвежонок подошел к ней совсем близко, — она уже стояла на сиденье стула и, я думаю, могла бы даже перепрыгнуть через спину Джимми, если бы мы его не схватили в это время и не утащили прочь.

Иногда он, казалось, старался показать себя людям каким-то страшным разбойником. Помню, как однажды к нам пришла компания школьников. Джимми выбрал мальчугана лет двенадцати, обхватил его передними лапами и попытался стащить с него зубами курточку. Мальчик сначала стоял спокойно, потом стал все больше нервничать, так как он не в состоянии был вырваться от медвежонка, и, наконец, громко расплакался. Тут ему на выручку пришел кто-то из стоявших поблизости взрослых. Но Джимми так понравилась куртка этого мальчугана, что где бы он его не увидел, он все время кидался к нему, и, наконец, мальчик, совсем перепуганный, убежал домой.

Несколько иначе он отнесся к девочке, которая приехала с родителями и, увидев Джимми на лужайке, сразу кинулась к нему. На девочке были белые чулки. Они страшно понравились Джимми. Не обращая внимания на ее попытки познакомиться, он обхватил ее колени и скоро трудно было разобрать, где тут медведь, где девочка, так все перемешалось. Но медвежонок только играл, и девочка совсем не испугалась. Поэтому я не вмешивался, пока девочка не выбилась совсем из сил, а чулки ее не превратились во что-то, годное разве лишь для старьевщика. Тогда я придержал медвежонка, пока она не добежала до экипажа и не уселась там с отцом и матерью.

Раз Джимми захотел совершить действительно преступление — он попробовал отгрызть заднюю ногу у лошади. Это была необыкновенно кроткая и спокойная лошадь, но такое обращение

и она не вынесла. Она без всякого раздражения подняла заднюю ногу, в которую вцепился Джимми, и далеко отбросила его от себя.

У Джимми было много таких «случайных» посетителей, но было также много и постоянных.

Постоянно приходили ученики одной школы, находящейся километрах в пяти от нашего дома. В этой школе свободный день был — понедельник. Обыкновенно по понедельникам группы учащихся приходили поиграть с медвежонком. Они приходили так часто, что Джимми стал хорошо узнавать их и особенно радовался их приходу, так как они всегда приносили ему что-нибудь вкусное. Когда он слышал их голоса, он отправлялся им навстречу.

Если это были мальчики,—он становился на задние ноги и обыскивал их карманы, в которых надеялся найти орехи и леденцы. Если же это были девочки, мы обычно узнавали это задолго до того, как они появлялись на нашем дворе, потому что некоторые из них убегали при виде медвежонка, а он гнался за ними, заставляя их визжать и кричать.

Но, пожалуй, лучше всего медвежонок проводил время с рабочим, который жил на ферме. Он всегда был где-нибудь поблизости и делал что-нибудь интересное для Джимми. Это был сильный, добродушный малый, и Джимми любил бороться с ним, потому что тот старался не ушибать медвежонка, как это делали многие. Если Том пилил дрова, Джимми хватался за другой конец пилы, и, казалось, тоже работал. Если рабочему нужно было взять тачку, Джимми вскарабкивался на нее, и Том вез его.

Наш дом красиво стоял на склоне горы под большими тенистыми деревьями. Часть посетителей просто приходила полюбоваться красивым видом. Они приносили с собой еду и оставались поблизости от дома до вечера, любуясь солнеч-

ным закатом за зелеными горами Вермонта. Джимми любил присоединяться к ним. Его ничуть не интересовал солнечный закат, но всякая пища по его мнению требовала внимательного исследования. Иногда он даже не соглашался ждать, пока будут развернуты пакеты с бу-

тербродами и пирожками, а просто утаскивал их.

Однажды он сделал даже хуже: старик и старушка ехали по холму на очень жирной и ленивой лошади. Джимми услышал шум колес и вышел из сарая, испытующе нюхая воздух. Его обоняние подсказало ему, что в коляске была вкусная еда, а желудок говорил, что уже настало время ужина. Обычно Джимми старался сдерживать свой аппетит, пока его хозяева не были готовы ему прислуживать. Сперва он, правда, поворчал немного, чтобы дать им понять, что он уже голоден. Но эта старая лошадь шагала слишком медленно, и терпение Джимми иссякло. Он бесшумно влез сзади сидящих на экипаж, схватил лежащую там белую картонку, спрыгнул с нею и исчез за амбаром.

Экипаж остановился под большим кленом, и старики вышли из него.

— Ах, Кларен,—сказала старушка, обращаясь к мужу, который в это время привязывал лошадь к столбу,—я думала, что положила сзади на сиденье коробку с пирожками. Ну, тут есть еще бутерброды, а пирожки уж съедим, когда вернемся домой.

Когда наступила зима, Джимми не залег в свою берлогу, как делают многие медведи, может быть, потому, что в этом не было необходимости: у него было достаточно пищи. Хотя он и проводил большую часть времени под террасой, но редкий день он не выходил оттуда, чтобы посмотреть, что делается на свете, и получить свою порцию пищи.

Часто он появлялся рано утром. Без сомнения он слышал, как Люси начинала ходить по

кухне, и знал, что скоро будет завтрак. Джимми подходил к кухонному окну, становился на задние лапы, чтобы заглянуть в него, и старался привлечь внимание Люси ворчаньем и стуком в окно. Потом мы слышали ее голос: «Подожди минутку, милый. У Люси есть для тебя что-то вкусное».

Дверца духовки открывалась и закрывалась, окно отворялось на несколько вершков, и оттуда высывался горячий пирожок с предупреждением: «Смотри, не обожгись. Ах, не ешь так быстро. Люди подумают, что мы морим тебя голодом».

Люси вела с Джимми длинные разговоры, как с ребенком. Иногда, когда Люси мыла окна, она звала нас посмотреть, как хорошо помогает ей Джимми. Он действительно стоял на дворе и тер стекло ладонью залепленной снегом лапы, подражая каждому движению Люси.

Часто случалось, что в одно время с Джимми приходил завтракать и Актеон — наш ручной олень. Тогда Люси приходилось внимательно смотреть за тем, чтобы Джимми съедал только свою долю. Если же медвежонок все же пытался съесть и порцию оленя, то Актеон поднимал переднюю ногу и ударял обидчика копытом.

Джимми очень любил играть в снегу. Он выкапывал в нем большую яму, залезал в нее так, что из снега торчали только его плечи да голова, и гордо смотрел оттуда. Люси смотрела на него из окна и иногда выносила ему немного сгущенного молока. Это было одно из самых любимых кушаний Джимми и, держа жестянку между передними лапами, он вылизывал своим длинным языком все до последней капли.

Медвежонок очень любил грызть деревья, особенно фруктовые. Он вскарабкивался на них, перегрызал ветви и смотрел, как они падают на землю. Но когда выпал глубокий снег, он изобрел более удобный способ. Он просто ложился на спину под деревом. Нижние ветки, придавленные снегом, можно было и так легко достать. Джимми нагибал их к себе лапами и перегрызал.

Интересно, что он не оставлял ветки лежать там, где они упали, а складывал их в маленькую кучу, к которой время от времени присоединял вновь нагрызенные им ветки. Мы называли это «куча дров Джимми». Для чего он делал это, мы так и не поняли. Возможно, что в этой привычке проявлялся его инстинкт делать себе логовище.

Однажды, мы увидели Джимми за забавным занятием. Он сделал маленький ком из снега и катал его по саду, пока у него не получился громадный шар. Тогда Джимми остановился, уткнулся в шар головой, перекувырнулся, встал опять на ноги и энергично разбил шар лапами на куски.

Случалось, он делал еще более замечательные вещи, которые мы не могли даже объяснить. Однажды моя жена и Люси видели, как он взял повешенное для просушки полотенце, снес его к дереву, встал на задние лапы и повесил его на ветку. Потом он засунул лапу под полотенце, вытер им морду и опять сдернул его с ветки.

Одно только отравляло Джимми радость зимы. Иногда кожа на его подошвах трескалась, особенно, когда он ходил по твердой ледяной поверхности, и это причиняло ему сильную боль. Не-

приятность усиливалась тем, что приставший к лапам снег заледеневал и мешал ему ходить. Тогда Джимми со стоном садился, поднимал заднюю лапу ко рту и, придерживая ее передней лапой, сгрызал с нее лед. Потом он делал то же самое с другой лапой и в заключение в знак удовольствия катался на спине.

Бывало, что в особенно холодные ночи Джимми спал плохо, может быть, потому, что в его берлоге было недостаточно тепло. В таких случаях он имел забавный способ выражать свое неудовольствие. Он подходил к двери в прихожую, ложился около нее и начинал грызть украшение на нижней части двери. Он производил при этом такой шум, что мы просыпались.

Конечно, мне приходилось спускаться вниз и прогонять его. Я возвращался в постель и только-что начинал дремать, как опять слышался треск дерева, и мне приходилось опять вставать, чтобы прогнать медвежонка.

Джимми уже слышал мои шаги и, когда я быстро открывал дверь и выскакивал полуодетый на мороз, он уже, ворча, бежал с террасы, и я слышал, как он перелезал через решетку, за которой был вход в его берлогу. Ничего не оставалось, как итти назад в свою комнату, надеясь, что страх удержит медвеженка от возвращения к двери.

Напрасная надежда! Через полчаса меня опять будил тот же треск, и я вставал в третий раз, угрюмо решая, что это уже будет последний. Я схватывал по дороге лыжу и тихо пробирался к дверям. Зная по шуму, что Джимми в это время находится по другую сторону двери, я быстро открывал ее и бежал за ним по террасе, шлепая его лыжей. Конечно, ему было совсем не больно, но это настолько пугало его, что удерживало его от повторения таких проделок на весь остаток ночи.

Конечно, Джимми и в этой местности был любимцем всех ребят, живших по соседству. Если бы детям предложили выбрать самое любимое животное в округе, я уверен, что был бы выбран медвежонок. Конечно, если бы выбирали взрослые, нашлось бы, вероятно, много возражений против этого. Но дети любили и понимали его. Он был ведь тоже ребенок. Они радовались его бесконечным проказам и часами могли играть с ним.

На Новый год мы устроили детский праздник. К нам собралось десятка два ребят. Невоз-

можно было заранее объяснить этого Джимми, и он, как всегда, рано ушел в свою берлогу и спал там уже задолго до того, как начали собираться первые гости. Но дети не забыли его, и первым вопросом, который задавал почти каждый из них, было: «А где же Джимми?» Но им было о чем поболтать между собой, нужно было сыграть во много игр, и отсутствие товарища, даже такого, как Джимми, было скоро забыто.

Наконец, был подан ужин. Дети сидели в столовой за длинным столом. Некоторое время все были так заняты едой, что ничего не было слышно, кроме стука вилок и ложек о тарелки. Я стоял в конце комнаты и с радостью смотрел на удовольствие ребят.

На минуту мои глаза остановились на маленьком мальчугане, который, казалось, наслаждался больше всех. Он производил больше шума, чем все остальные, и в то же время успевал делать чудеса, поглощая лежавший перед ним громадный кусок пирога. Вдруг я заметил, что его лицо изменилось. Смех прекратился, улыбка пропала, остатки пирога упали на тарелку, а полная ложка супа застыла в воздухе, по дороге ко рту. Он пристально смотрел в окно. Я взглянул туда же и увидел мохнатую черную морду с маленькими, блестящими, черными глазами, жадно глядящими в комнату. Это медвежонок, разбуженный шумом, пришел посмотреть, что случилось.

В комнате сразу поднялся шум. Дети бросили еду и столпились около окна с криками: «Джимми! Это Джимми! Впустите его! Ой, не выпускайте! Откройте окно! Дайте ему пирога!» Один маль-

чуган, с куском пирога в руке, немного приподнял окно. Для Джимми этого было достаточно. Не обращая внимания на предложенный ему пирог, он просунул в щель свою сильную морду, одним толчком головы приподнял раму и через минуту уже шел, переваливаясь по комнате. Дети завизжали и разбежались в разные стороны. Им всем хотелось, чтобы медвежонок принял участие в их празднике, но они не представляли себе, что он может выкинуть, и поэтому очень волновались, особенно младшие.

Одна маленькая девочка спряталась за оконными занавесками, два мальчугана побежали наверх и смотрели с лестницы, перегнувшись через перила, а один вскарабкался при помощи стула на буфет.

Но у Джимми было собственное понятие о празднике. Его главный интерес сосредоточился на столе с угощением. Медвежонок встал на задние лапы и положил передние на стол. Как раз перед ним оказалась тарелка с остатками яблочного киселя. Один взмах длинным языком, и тарелка стала такой чистой, словно ее вымыли. За киселем последовал бисквит. В это время один из мальчиков, очевидно, более храбрый, чем остальные, сделал попытку спасти пирог. Он схватил медвежонка за кожу на шее, но, кроме сердитого ворчливого протеста, медведь не выказал ему никакого внимания. Он отправился дальше вдоль стола, таща за собой мальчика, и кусок за куском стал исчезать пирог в его черной пасти.

Девочка, спрятавшаяся за занавеской, увидев, что Джимми никому не причиняет вреда, вышла

из своего укромного уголка и поспешила на помощь мальчику, державшему медвежонка. Перед этим девочка ела варенье и вокруг ее рта остались следы его. Когда она дотронулась до Джимми, тот повернулся и услышал запах варенья. Он обхватил девочку своими короткими передними лапами, облизал ей все лицо и затем отпустил ее. Тут он добрался до сахарницы, снял ее лапами со стола и уселся на корточки, чтобы обследовать ее содержание.

К этому времени дети уже совсем расхрабрились и собрались вокруг Джимми, посмотреть, как он будет есть сахар. Джимми же тихонько ворчал, так как боялся, что у него отберут сахарницу.

Наконец, Джимми, покончив с сахаром, удовлетворил свой голод и теперь готов был играть. Он повернулся на спину, несколько раз перекувырнулся через голову и стал хвататься за ножки столов и стульев. Ребята начали возиться с ним и веселились во всю, пока, наконец, один за другим не выбились из сил.

Когда они все оставили медвежонка, Джимми встал на задние лапы, выбрал девочку приблизительно одного с ним роста, сделал шаг по направлению к ней и поднял лапы, как бы приглашая ее побороться. Девочка приняла это приглашение. Она была ловкая и сильная и некоторое время храбро держалась. Но когда Джимми входил в азарт, он начинал изо всех сил размахивать своими тяжелыми лапами. Наконец, он дал такую пощечину своей противнице, что девочка решила больше не играть. Тут и я решил, что Джимми уже достаточно позабавился. Я открыл дверь, и медвежонок побежал в свою нору под террасой.

Благодаря, может быть, тому, что Джимми правильно и сытно кормили, может быть потому, что он постоянно воровал патоку, варенье и кленовый сахар, Джимми быстро рос и делался все сильнее. Сначала я мог поднять его одной рукой, как котенка, но скоро для этого понадобились уже две руки, а еще позднее я уже предпочитал совсем не поднимать его, особенно в жаркие дни.

Джимми был очень добродушным существом, пока кто-нибудь не пытался заставить его сделать то, чего ему не хотелось.

Особенно часто приходилось бороться с ним, чтобы помешать ему войти в дом. Обычно мы не разрешали ему этого, но изредка, в виде исключения, ему это позволялось. Но, если ему удавалось просунуть в дверь нос или одну лапу, он протестовал против всякой попытки вывести его вон. Крича так, словно его убивают, он сражался изо всех сил, стараясь пролезть в дом.

Забавно, что было гораздо легче впустить его войти, потом повернуть кругом и выпихнуть назад, чем не впускать совсем. Но даже и это было нелегко. Если я пробовал тащить его за шею, он ложился на спину, обхватывал мои ноги своими сильными лапами и всеми силами старался мешать мне. Если я настаивал, он кусал меня, сначала слегка, но постепенно все больше приходил в ярость. Иногда он разрывал мои брюки крепкими когтями своих задних лап.

Побежденный в конце концов, он уходил, ложился где-нибудь, сосал лапу и злился, производя при этом какой-то странный звук, вроде:

«уболь-убль-убль-убль-убль—убль», пока что-нибудь не отвлекало его от этого занятия.

Если же, что случалось все же не редко, Джимми входил в дом без всякого сопротивления, он направлялся прямо в столовую. Если стол был накрыт, он становился на задние лапы, брал обоими передними сахарницу и уносил ее. Он забирался в угол, садился, прислонясь спиной к стене, и ставил сахарницу себе на колени. Он не выносил, чтобы ему мешали в этот момент. Если какой-нибудь неосмотрительный человек появлялся в это время в столовой, Джимми, несмотря на свой набитый сахаром рот, встречал его громким, сердитым рычаньем, стараясь предостеречь вошедшего от попытки завладеть с таким трудом добытым им сахаром.

Самым счастливым днем для Джимми был тот, когда ему удавалось забраться в кладовую. Это случалось очень редко, потому что двери кладовой всегда заботливо запирались, и даже Люси внимательно следила за этим. Но все же мы иногда бывали забывчивы, и Джимми удавалось проникнуть в кладовую. Обычно последствия набега были тем больше, чем дольше Джимми был в кладовой.

Однажды, мы вернулись домой после долгой отлучки, и Джимми не встретил нас, как он обычно делал. Люси куда-то ушла, и одно из окон, выходящих на террасу, было открыто. Мы вошли в дом и увидели, что дверь кладовой тоже отперта.

Что за зрелище представилось нашим глазам, когда мы подошли к этой двери. Пол был покрыт пакетами и картонными коробками, доставленными утром лавочником. Большая часть их была разор-

вана и их содержимое валялось кругом, — изюм, чернослив, орехи, печенье. Все это было перемешано с кусками мыла, разбитыми горшками с оливками и мармеладом. Несколько лимонов, валявшихся кругом, придавали кладовой еще более живописный вид. В одном углу лежал перевернутый горшок с патокой; она разлилась золотыми лужами и блестящими пятнами, а в середине их валялся Джимми, виновник всего этого кавардака, невероятно грязный и страшно счастливый.

Секунд пять я чувствовал себя страшно рассерженным. Я взглянул на мою жену и увидел, что она изо всех сил борется со смехом, — отчасти из уважения к моим чувствам.

— Да, удивительно забавно, не правда ли? — иронически заметил я.

При звуке моего голоса Джимми поднял морду, поглядел на нас и, с остатком варенья на одной щеке и прилипшим к нему болтающимся фитилем от лампы, он встал и, переваливаясь, пошел нам навстречу. Это было так смешно, что мы с женой расхохотались. Не помню, чтобы нам когда-нибудь приходилось так смеяться.

Тут мы заметили то, что видели уже однажды, когда медвежонок съел слишком много патоки. Он как-будто немного опьянел. На его мордочке было подобие нежной улыбки и он неуклюже пытался обнять нас. Когда мы ушли от него в сад, он пошатываясь, пошел за нами. Там, на лужайке, он дал целое представление и кувыркался с такой ловкостью, которая могла бы сделать честь настоящему клоуну. После каждого «действия» он останавливался и глядел на нас, как-будто ожидая аплодисментов.

В середине представления появилась Люси. Она уже видела разгром в кладовой. Без всякого негодования она бросилась к Джимми и обняла его, несмотря на то, что он был весь липкий.

Стараясь предупредить мои протесты, Люси сказала:

— Ну, медведи же всегда останутся медведями. А ведь он еще совсем ребенок. Бедный малыш, он был просто голоден. Я забыла утром дать ему поесть (утверждение, в правильности которого я очень сомневаюсь). Он даже не ужинал вчера вечером (это утверждение было уж полной неправдой).

А Джимми положил ей голову на плечо и захныкал, как обиженный ребенок.

Только поздно вечером Люси кончила его мыть. Я думаю, что она даже прогладила его утюгом, потому что, когда он пришел на следующее утро к завтраку, это был самый чистенький и гладенький медвежонок, какого я когда-либо видел.

V

ДЖИММИ ПРОЩАЕТСЯ

Незадолго до весны, после долгих обсуждений, мы решили, что Джимми стал слишком велик и нам нельзя уже больше держать его. Он был попрежнему добродушен, но стал очень сильным, и потому сделались слишком опасными его горячие проявления симпатии к людям, с которыми он встречался.

Если он видел идущего по дороге человека, он сразу решал, что это подходящий компаньон

для борьбы, независимо от того, хотел тот бороться или нет. Однажды, один очень милый молодой человек пришел к нам из Лебано́на, чтобы передать нам свою книгу «Изучай природу». Джимми случайно встретил его за пол километра от нашего дома и к тому времени, как я добежал до них, услышав крики о помощи, молодой человек выглядел уже так, словно ему пришлось пе-

релезать через несколько рядов колючей проволоки.

Мы пригласили его остаться у нас позавтракать, а Люси провела порядочно времени за починкой его брюк. Когда молодой человек уходил, она сказала ему со смеющимися глазами:

— Когда вы будете выпускать новое издание своей книги, — не забудьте прибавить главу о медведях.

Даже Люси больше не была уверена, что она может справиться с Джимми. Однажды когда он,

играя, схватил ее, разорвал ей фартук и платье, ей пришлось к своему стыду, позвать нас на помощь.

Наконец случилось происшествие, окончательно решившее участь Джимми.

Моя жена возвращалась домой. Джимми схватил ее и, несмотря на все ее попытки оттолкнуть и успокоить его, повалил ее на снег. Конечно, с точки зрения медвежонка, это было очень забавно, но моя жена не разделяла его мнения, и позвала меня на помощь. Пока я бежал, Джимми схватил ее зубами за волосы и ткнул ее головой в кучу снега.

Это было уже слишком, и я решил приискать медвежонку новый дом. Но это было вовсе не просто сделать. Когда он был маленьким, всем хотелось его иметь, но чем больше и сильнее он становился, тем меньше было желающих взять его.

Наконец я узнал, что Нью-Йоркское Зоологическое Общество хочет приобрести черного канадского медведя. Директор Общества прислал мне письмо, в котором предлагал купить у меня Джимми. Я никогда не смог бы продать животное, которое столько времени было членом моей семьи. Я подарил его им, хотя должен сказать, что сделал это с тяжелым чувством.

На следующее утро мы с Джимми пошли на свою последнюю прогулку. Я посмотрел на его рост, когда он встал на задние лапы, почувствовал силу его лап и зубов, когда он начал со мной бороться, и понял, что мы как раз во время решили расстаться с Джимми.

Но после обеда, когда Джимми, прогуливаясь по террасе, остановился у одного из столбов

и стал смотреть со странным печальным выражением вдаль на голубые холмы и долины, которые он никогда больше не увидит, мы почувствовали, что слезы подступают у нас к горлу. А когда немного позднее он поднял свою любимую тряпичную куклу, которую сшила ему моя жена, уселся, посадил ее себе на колени, облизал в последний раз все ее лицо, а потом унес ее с собой спать, мы пожалели, что маленькие медвежата так быстро вырастают в больших медведей.

На следующее утро у наших дверей остановились сани, запряженные двумя большими черными быками. Они отправлялись в Лебанон, ближайшую железнодорожную станцию, отстоящую от нас на 15 километров.

Когда мы все обняли на прощанье Джимми, я посадил его в большой ящик, сделанный специально для него, а через несколько минут ящик с медведем был уже поставлен на сани.

— Ги! — крикнул возница, и громадные быки покачнулись вправо, напряглись, потянули вмерзшие в снег сани, и из под их копыт полетели блестящие осколки льда.

— Хуч! — и могучие животные влезли в ярмо, сани двинулись к северу по замерзшей, неровной дороге, а Люси, закрыв лицо фартуком, рыдала так, словно у нее разрывалось сердце.

Два месяца спустя я приехал в Нью-Йорк и, конечно, первым делом навестил Джимми. Мне хотелось посмотреть, узнает ли он меня, после того, как тысячи людей ежедневно проходили мимо него.

Уже издавека я увидел Джимми. Он лежал в углу логовища, положив морду на левую лапу,

и крепко спал. Директор сада, пришедший со мной, подошел к дальнему от медведя углу клетки и позвал Джимми по имени.

— Джимми! — крикнул он, — Джимми! Пойди сюда, Джимми! Иди сюда!

Но медведь не двигался. Конечно, он должен был слышать эти слова, но голос был ему не знаком. Тогда директор отошел и я позвал Джимми.

Мгновенно голова его поднялась и он встал на ноги. Он подбежал к ограде и, когда очутился напротив меня, встал на задние лапы. Я протянул ему руку сквозь решетку. Он схватил ее обоими лапами и возбужденно вздохнул: «Ууф! Уф! Уууф!»

Потом он издал то странное, продолжительное рыдание, которое он часто выпускал, когда был очень огорчен.

— Убль-убль-убль-убль-убль! — плакал он, пока я не почувствовал, что сейчас расплачусь сам.

Жестоко было снова оставлять его, но, конечно, надо было это сделать. Я медленно высвободил руку из его лап и пошел прочь, а он остался один, все еще тихонько скуля.

Через год я опять пришел повидать его. Джимми еще сильнее вырос и выделялся среди других молодых медведей, с которыми он сидел вместе. Когда я подошел к клетке, несколько мальчиков, нарушая правила, бросали медведям земляные орехи. Медведи кидались ловить их. К чести Джимми надо сказать, что из пяти орехов три доставались ему.

Я, подошел, как мог, ближе и позвал Джимми по имени. Он опять подошел, но с совсем другим видом, чем год тому назад. Он стоял на задних лапах и смотрел на меня со смущенным выражением, которое, казалось, говорило: «Мне кажется, что я где-то раньше встречал тебя, но я не могу вспомнить, где это было и кто ты такой».

Последний раз я видел Джимми совсем недавно. Он стоял на задних ногах, глаза его сверкали, а мех был густой и длинный. Это был самый большой и красивый медведь в Нью-Йоркском зоологическом саду.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Джимми появляется в Новом Хэмпшайре	3
Медвежонок в Хэвен Коттедже	5
Развлечения в лесу Голубой Горы	25
Проказы Джимми в Стране Солнечного Заката . .	34
Джимми прощается	59

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-во „ПОСРЕДНИК“

Москва, 2, Арбат, д. 36. Телефон 4-48-75.

- Бюргель, Б.— На пути к звездам. Воспоминания о детстве и юности рабочего, ставшего астрономом. Ц. 50 к.
- Гедройц, В.— Находка.
- Горбунова-Посадова, Е.— Наши друзья.
- Горбунова-Посадова, Е.— Наши зверки. Рассказы для младшего возраста. С рис. А. Н. Формозова. Изд. 4-е. Ц. 40 к.
- Горбунова-Посадова, Е. и Ксюткова, Е.— Думайте — не зевайте! — Игры, требующие сметливости и внимания. Ц. 35 к.
- Горбунова-Посадова, Е. и Ксюткова, Е.— Самодельные игры.— Как их сделать и как в них играть. Ц. 50 к.
- Додэ, А.— Прекрасная Нивернеза. Повесть. Изд. 2-ое. Ц. 40 к.
- Д'Эрвильи, Э.— Приключения доисторического мальчика. Изд. 2-е. Ц. 75 к.
- Зонлейтнер.— Деги лесника.
- Ирвин и Стефенсон.— Кэк, эскимосский мальчик.
- Морлей, М.— Ганс из Долины Игрушек. Повесть из жизни тиролевских горцев. Ц. 90 к.
- Роу, Д.— Китайчата. Заставки Линг-Джу-Танг. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
- Скуайр, Э.— Дикое сердце. Рассказы о диких животных. Ц. 75 к.
- Смит, Н.— Дети маяка. Изд. 2-е. Ц. 60 к.
- Толмачева, М.— Васин денек. Рис. в краск. Т. Гиппиус. Ц. 50 к.
- Ульянова, А., Амичис, Э., Когделия.— Юные герои. Рассказы из жизни детей рабочих. Ц. 50 к.
- Фаусек, Ю. И.— Как жили Наташа и Коля. С рисунками и обложкой в красках Т. Гиппиус. Кн. 1.— На улице. Кн. 2.— Дома. Кн. 3.— В гостях у бабушки. Кн. 4.— В саду осенью. Кн. 5.— В саду зимой. Кн. 6.— Товарищи. Ц. каждой книжки 20 к.
- Фич-Перкинс, Л.— Дети Великого океана. (Маленькие филиппинцы). С рис. автора. Изд. 2-е. Ц. 60 к.
- Фич-Перкинс, Л.— Маленькие голландцы. С рис. автора. Ц. 75 к.
- Фич-Перкинс, Л.— Маленькие японцы. С рис. автора. Ц. 75 к.
- Фич-Перкинс, Л.— Маленькие швейцарцы. С рис. автора. Изд. 5-е. Ц. 60 к.
- Фич-Перкинс, Л.— Смелчаки. (Дети каменного века). С рис. автора. Изд. 3-е. Ц. 70 к.
- Фрис, А.— Навстречу опасности. Ц. 60 к.
- Хокс, К.— Джой из джунглей — гордость цирка. Ц. 75 к.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-во „ПОСРЕДНИК“

Москва, 2, Арбат, д. 36. Телефон 4-48-75.

ПЕДАГОГИКА.

Петров, В.—Быт деревни в сочинениях школьников.

С предисловием М. В. Муратова. Ц. 50 к.

Из отзывов в печати. Содержательная и интересная по идее попытка научно-литературной обработки школьных сочинений. Ее следовало бы иметь в каждой районной школе и педагогической библиотеке.

«Известия ВЦИК» 1927 г. № 156.

Книга читается с неослабевающим интересом, выдвигает на очередь ряд серьезных социально-педагогических вопросов и будет полезна не только для педагога, но и для каждого, кто участвует в строительстве деревенской жизни.

«Вестн. Просв.» 1927 г. № 4.

Книга является несомненно нужной и полезной для всех интересующихся изучением быта деревни и психологии школьников.

«Краеведение» 1927 г. № 3.

Рубцова, П. А.—Что читают дети. Ц. 1 р.

Содержание.—Введение.—Методика, техника и организация работы.—Читательские интересы современного ребенка.

1. Основные линии детских интересов:—Интересы мальчиков и девочек.—Возраст и книжные запросы.—Влияние социально-бытовых и культурных условий на интересы детей.

2. Какие темы и какие книги интересуют детей.—Зоологическая беллетристика.—Научно-популярные и историко-революционные книги.—Путешествия.—Веселая книга.—Сказка.—Приключения.—Историческая беллетристика.—Быт.—Классики и писатели общей литературы.—Наиболее ходкие книги.

Соснина, Л.—История одной школьной общины.

С предисловием С. Т. Шацкого. Ц. 1 р.

Из предисловия С. Т. Шацкого. Первые годы нашей революции были периодом расцвета индивидуальных исканий, чрезвычайно разнообразных, смелых, сложных, требовавших большого подъема. Эта книжка, в которой с необычной любовью и с большим талантом изложения рассказана одна из таких попыток, весьма своеобразна и глубока. Несмотря на короткий период своего существования, описываемая работа затронула, и весьма основательно, несколько важнейших педагогических вопросов, имеющих большое значение и для настоящего времени...

Уошберн, К.—Новые школы Западной Европы.

Ц. 90 к.

Из предисловия. Предлагаемая книга написана одним из передовых педагогов Америки К. Уошберном. В поисках новых путей педагогической работы Уошберн посетил ряд передовых школ Западной Европы и написал эту книгу, излагающую его впечатления. Автор умеет выхватить интереснейшие, характернейшие черты каждой школы, показать, что именно она вносит в дело создания новых форм воспитания и образования.

Книга Уошберна не только поднимает ряд больших вопросов, но и дает материал, интересный для чтения, благодаря большой живости и яркости изложения.

Цена 60 коп.

Кооперативное Издательское Т-ВО „ПОСРІ”
Москва, Арбат, д. 36. Телеф. 4-48-75